

сотни названий всяческих организмов вплоть до вши, паразитирующей на китах, — десятки терминов торгового права капиталистических стран, буквально все типографские технические термины? Даже читатель очень широкого кругозора не встретит и сотой доли их за всю свою жизнь. А специалисту той или иной области они известны и без того, а если неизвестны, то он, наверное, не будет их искать в таком словаре.

Словарь массовых тиражей (в общем, наверное, более чем миллионного) не должен быть словарем научных и технических терминов. И вообще вряд ли целесообразен словарь, который охватывал бы все области знания на уровне специалистов. Для этого нужны особые словари по главнейшим отраслям знания. И, конечно, они тоже должны быть построены под историческим углом зрения, как вехи развития науки. Массовый же словарь должен сосредоточиться на терминах, которые нужно усвоить каждому образованному человеку, на понятиях идейного и принципиального значения, на словах, которые каждый встретит в отечественной и переводной литературе и прессе, на терминах, которые вошли в основной фонд нашего образования. Вместе с тем в этот словарь нового типа нужно было бы ввести все иностранные слова, встречающиеся в русской литературе с конца XVIII в., включая даже такие редкие словечки, как пушкинское *аминде*, тургеневское *авантюрьерка* или лесковское *литукá*. Такой словарь служил бы полезным пособием при чтении наших писателей. Вместе с тем он давал бы наглядную картину отражения в русском языке возникновения, смены и развития новых интересов и вкусов в общественной жизни. Пусть это будет не 20 тысяч терминов, а только 8 тысяч, но это будут настоящие с л о в а, а не просто памятные знаки; это будет 8 тысяч творческих идей, 8 тысяч страниц истории культуры.

Б. Казанский

ЯПОНСКИЙ «СЛОВАРЬ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ»¹

В марте 1944 г. в Токио было образовано Общество отечественного языкознания (Кокугогаккай), объединившее ученых языковедов и педагогических работников всей Японии. Численность этого общества нам неизвестна, но судя по тому, что влившееся в него Японское диалектологическое общество (Нихон хогэнкай), существовавшее с 1928 г., объединяло около 500 человек, масштабы его должны быть значительными. С 1948 г. общество издает поквартально лингвистический журнал «Кокугогакү» («Отечественное языкознание»), а в 1955 г., в ознаменование 10-летия ее деятельности, оно издало лингвистический словарь, или скорее лингвистическую энциклопедию, «Кокугогакү-дзитэн», который и является предметом настоящей рецензии.

Редакционную коллегию словаря возглавил представитель правления общества Токитада Мотоки — один из ведущих современных японских грамматистов. В составлении словаря приняло участие 188 авторов (7 из них занимались только приложениями, о которых речь будет особо); в числе их находим таких крупных специалистов по японскому языку, как Кобаяси Хидэо, Сакума Капэо, Хаттори Сирё, Ямада Ёсио, Ёсидзэва Ёсиори.

С первого взгляда обращает на себя внимание объем словаря: в нем 1250 страниц убористого японского текста, что в переводе на наш шрифт составляет более двухсот печатных листов. Ознакомление со словарем приводит к заключению, что богатство его содержания даже превышает то, на что позволяет надеяться объем. Это достигнуто благодаря превосходно составленному словнику и содержательности статей при их лаконичности; статьи написаны с большим знанием предмета, изложение носит чисто информационный характер без субъективных оценочных моментов (как указано в предисловии, такой характер статей составлял одну из задач редакции). Все статьи даны с подписью авторов.

Содержание словаря легко поддается обзору благодаря помещенному в начале списка основных статей, составленному по тематическим разделам. Эти разделы следующие: I. 1) «Японский язык в целом, изучение японского языка в целом, смежные науки»; 2) «Языкознание»; 3) «Фонетика»; 4) «Письменность»; 5) «Грамматика и стилистика»; 6) «Лексика и семантика»; 7) «Диалекты и лингвистическая география»; 8) «История японского языка»; 9) «Речевая практика»; 10) «Отдельные вопросы, касающиеся японского языка»; 11) «Преподавание японского языка»; 12) «Художественная литература». II. «Языковедческая литература». III. «Personalia». В каждой статье под заглавным словом имеется указание, к какому из этих разделов она относится.

¹ «Кокугогакү-дзитэн», Кокугогаккай-хан, Токёдо, Токио, 1955. Термин «кокугогакү» означает не вообще языковедение в Японии, а науку о японском языке (*кокугогакү* дословно: «наука о родном языке»).

Раскроем для примера несколько подробнее содержание некоторых разделов тематического списка. Раздел «Речевая практика» (так мы переводим термин *гэнго-сэй-кэцу*, что дословно значит «языковая жизнь», или «жизнь языка») состоит из трех подразделов: 1) «Общие понятия этого вида изучения языка»; 2) «Устная речевая практика»; 3) «Письменная речевая практика». К первому подразделу относятся такие статьи, как «речевая практика», «речевая деятельность», «культура речи», «техника речи» и т. п.; «действие слов», «магия слова»; «сообщение», «объяснение», «убеждение», «ознакомление» и т. п.; «насмешка», «ирония» и т. п. — общее число основных статей равно 25. В подразделе «устная речевая практика» статьи в списке разбиты на более мелкие части: 1) «Разговор вообще»: статьи «устная речь», «разговор», «искусство разговора» и т. п.; «обмолвки», «пропуски», «повторения», «подчеркивание» и т. п.; «выразительные звуки», «украшающие звуки» и т. п.; «выражение», «умолчание», «подразумевание» и т. п. — всего 26 статей; 2) «Монологическая речь»: статьи «монолог», «выступление», «речь», «слово» (приветственное и т. п.), «спич» и т. п. — всего 10 статей; 3) «Диалогическая речь»: статьи «диалог», «вопрос», «ответ», «возражение», «приказание», «собеседование» и т. п. — всего 15 статей; 4) «Слушание»: статьи «слушание», «слушающий», «аудитория», «ошибки в понимании» и т. п. — всего 6 статей; 5) «Языковые произведения и игры»: статьи «скороговорки», «загадки», «пословицы» и т. п. — всего 13 статей; 6) «Речевая практика при помощи механизмов»: статьи «телефон», «вещание», «диктор» и т. п. — всего 7 статей; 7) «Кино, театр» — всего 11 статей. К 8-му подразделу под не вполне удачным заглавием «Общество и язык» отнесены статьи *масу комюникэйсён* (термин, восходящий к английскому *mass communication* и иногда употребляющийся в Японии в виде одного слова *масукомю*), *дэма* — «демагогия» и «общественное мнение». В последнем 9-ом подразделе «Язык и верования» объединены статьи «клятва», «заговор», «заклинания» и т. п.; всего в обоих этих подразделах находим 8 статей. Кроме того, в этом подразделе помещена статья «24-часовое обследование речевой практики», обстоятельно излагающая методы такого обследования и результаты нескольких практических опытов его проведения в Японии в 1949—1952 гг.

11-й раздел «Преподавание японского языка» состоит из статей, характеризующих виды преподавания языка, школьные дисциплины, с ним связанные, приемы преподавания по отдельным процессам — разговор, чтение, письмо и т. п., типы и приемы проверки знаний, типы учебников — грамматик, хрестоматий и т. п. Общее число основных статей этого раздела, перечисленных в списке, — более 150 (и ссылочных — более 50).

Как видно уже из этих двух примеров, наличие тематического списка статей дает возможность, ознакомившись со статьями в таком систематическом порядке, составить себе отчетливое представление о всей данной теме в целом. Таким образом, рассматриваемый нами словарь перерастает рамки простого справочного пособия.

О характере словника можно судить, в частности, по разделу «Грамматика». Из японской грамматической терминологии в словник включена лишь та, которая пользуется широким признанием; в него не вошли многочисленные термины, созданные отдельными авторами и не получившие распространения в японской грамматической литературе. Однако при различном истолковании распространенного термина статья излагает точки зрения авторитетных ученых. В то же время в словник включены некоторые термины, относящиеся только к иностранным языкам (например, *бунси* «причастие»); при всех общеграмматических терминах указывается их значение в применении к японскому языку и их соответствия терминам западноевропейского языкознания, которые часто тут же и приводятся. Например *кэйсё* объясняется как обозначение японского предикативного прилагательного и как перевод слова *adjective* применительно к западноевропейским языкам. В разделе грамматики тематический список содержит около 200 основных и 100 ссылочных статей, причем из основных статей на синтаксис приходится всего 25, что характерно для японской грамматики, в которой вопросы синтаксиса встали на очередь относительно поздно и разработаны пока слабо. Ближайшее отношение к этому разделу имеют статьи, характеризующие отдельные крупные труды по грамматике японского языка. Тесно связан с ним и раздел «История японского языка». Все это в целом делает указанные разделы словаря незаменимым руководством для всякого, кто занимается исследованием грамматики японского языка.

Вместе с тем словарь очень удобен для использования его в чисто справочных целях. Разумеется, все статьи расположены в общей алфавитной последовательности. Статьи строятся по определенным типам, отдельные части их снабжены четкими заголовками, что облегчает нахождение нужных сведений в пределах самой статьи. С этой же целью к словарю приложен ряд указателей. Всего приложения занимают 260 страниц, т. е. одну пятую общего объема (тематический список статей в начале словаря занимает 28 страниц, не входящих в общую нумерацию) и представляют большой интерес сами по себе.

Первыми приложениями являются: а) карты: грамотности Японии, охвата радио-

вещанием и т. п.; б) таблицы: звукового (слогового) состава японского языка — по историческим периодам; ударения — по историческим периодам; спряжения — по историческим периодам.

Своеобразное приложение представляют собой 20 таблиц сопоставления различных точек зрения японских ученых по отдельным вопросам грамматики. На каждой из них приведены в кратких формулировках взгляды семи наиболее авторитетных ученых — Оцуки, Ямада, Манусита, Эсидзава, Йеуда, Хасимото и Токиэда (и дополнительно некоторых других) по следующим вопросам грамматики японского языка: 1) язык и грамматика; 2) единица грамматического изучения (слово и предложение); 3) классификация частей речи; 4—13) отдельные части речи; 14) структура слова; 15) наклонение, залог, позиция; 16—18) предложение, его типы, его состав; 19) вежливые слова; 20) разное. Материал этих таблиц детализирует содержание соответствующих статей, а само расположение в виде таблиц делает очень наглядным то, что при чтении статей могло бы остаться незамеченным.

Далее следует приложение, представляющее собой один из справочников такого типа, на составление которых японцы большие мастера. Именуется оно «Хронология японского языка» и представляет собой хронологический перечень всего того, что имеет отношение к истории самого японского языка, его изучения и его преподавания. Здесь приведены: свыше 100 названий памятников древней и средневековой литературы с краткой грамматической и стилистической характеристикой их языка (занимающей иногда 20—25 строк, а иногда состоящей из краткого указания на первое появление в памятнике какой-либо формы и т. п.¹); данные о деятельности отдельных лиц в области языка и литературы и краткие характеристики заслуг тех, кто занимался изучением японского языка или содействовал его развитию²; значительные труды по грамматике; организационные мероприятия, касающиеся преподавания и изучения японского языка и т. д. Первый факт, указанный в этой хронологии, относится к 285 г. н. э.: «Вани, ученый из царства Кudara, прибыл ко двору, привезя с собой „Лунь-юй“ и „Цянь-цзы-вэнь“ („Нихонсёки“)³. В это время были оживленные сношения с корейским полуостровом, заимствовалась культура и, вероятно, проникал корейский и китайский язык». Последнее помещенное в «Хронологию» сведение относится к маю 1955 г. (словарь вышел в августе этого же года); оно сообщает о выходе в свет 2-го тома книги Итикава Мики и Хаттори Сиро «Обзор языков мира» и толкового словаря «Кодзиэн» Саймура Идзю. «Хронология» занимает 66 страниц.

Ценным приложением является библиография. Первая ее часть состоит из распределенного по 15 тематическим разделам перечня основных современных языковедческих трудов, вышедших отдельными изданиями. Нужно сказать, что в большинстве статей словаря приводятся библиографические данные, иногда весьма пространные [например, в статье «Язык» названо 27 работ по общему языкознанию, из них 23 иностранных, в том числе «Введение в языкознание» А. С. Чикобава (ч. I) и Л. А. Булаховского (ч. II), и 4 японских]. Таким образом, назначение указанного перечня не столько в сообщении добавочных сведений, сколько в систематизации библиографических данных словаря. В перечне наряду с японскими назван ряд современных общетеоретических западноевропейских и американских работ, причем не только тех, которые имеются в японском переводе (а надо заметить, что, начиная с 30-х годов, в японском переводе были изданы одна за другой работы Ельмслева, Мейе, Огдена, Паули, Балли, Касирера, Соссюра, Кречмера, Вандриеса, Фосслера, Сэпира, Есперсена, Блумфила, Трубецкого, Дармстетера и др.). Вторая часть библиографии включает перечни содержания японских серийных изданий последней четверти века — полные, если серия специально посвящена языку (таких серий имеется 10), или выборочные, если языковедческие статьи составляют часть серии (таких серий издано 8). В третьей части приводится список японских журналов за последние полвека — специально языковедческих и тех, в которых иногда помещаются языковедческие статьи. Кстати, из этого списка явствует, что в настоящее время в Японии выходит ряд специальных лингвистических журналов, из которых основные следующие: «Кокугогакү» («Отечественное языкознание»), «Гэнго-кэнкю» («Изучение языка»), «Гэнго-сайкацу» («Речевая практика»), «Кокүгө-кэнкю» («Изучение родного языка») и два журнала.

¹ К сожалению, в «Хронологии» не охарактеризован язык тех произведений новой литературы, которые имели большое значение для формирования современного японского литературного языка. Это для японского языкознания не случайность.

² Опять-таки только в древнее время и средневековье. Что же касается авторов нового времени, как, например, Ямада Бимё (ум. 1907 г.) и Фтабатэй (ум. 1909 г.), чья деятельность охарактеризована в самом словаре в статье о движении за единство языка и письменности, то они в «Хронологии» не пользуются таким вниманием, какое уделено, например, Сайгё (ум. 1190 г.) или Камо Тэмэй (ум. 1216 г.).

³ Кudara — японское название корейского царства Пэкче. «Лунь-юй» и «Цянь-цзы-вэнь» — китайские классические книги. «Нихонсёки» — японская историческая хроника VIII в., откуда заимствованы эти сведения.

посвященных проблемам не только языкознания, но и литературоведения — «*Кокугото кокубунгакү*» и «*Кокугү-кокубүн*» (оба названия переводятся как «Родной язык и родная литература»)¹.

Четвертая часть библиографии имеет особый характер: это перечень памятников японской древней и средневековой литературы, которые за последние 25 лет воспроектированы фототипически (ксилографические, литографированные и т. п. издания в расчет не приняты). Составители данной части библиографии предваряют ее указанием, что такие репродукции обычно не поступают в продажу (это так называемые *хибайшин* или *дзотэйшин*) и поэтому список наверняка страдает неполнотой, тем более, что в него включены только издания, проверенные составителями de visu, т. е. не включены те, о которых им было известно лишь понаслышке; благодаря последнему за достоверность списка составители ручаются. В перечне указывается название памятника, место хранения оригинала во время изготовления репродукции, год ее изготовления, издатель, комментатор (если издание с комментарием), а также приводятся некоторые тематические подробности, касающиеся репродукции. Перечень содержит около шестисот названий. Достоин внимания самый факт такого бережного отношения к национальному культурному наследию — памятникам литературы и языка, но вместе с тем нельзя не пожалеть, что эти ценнейшие издания недоступны большому числу исследователей.

Далее следуют четыре указателя: 1) «Предметный указатель»; 2) «Указатель названий памятников литературы и названий лингвистических работ»; 3) «Указатель имен»; 4) «Указатель иностранных лингвистических терминов» (английских, французских и немецких) с японским переводом.

Из перечня в разделе *personalia* видно, что в словаре даны статьи о некоторых современных иностранных лингвистах (а также о Гумбольдте и Вундте); взгляды их освещаются и в статьях по отдельным вопросам. Уже упоминалось, что как в словнике, так и в статьях в известной мере учитываются термины западноевропейского языкознания. Последний указатель, будучи вместе с тем иноязычно-японским лингвистическим словарем (в нем около 1700 терминов), может быть использован как таковой при чтении иностранной лингвистической литературы на языке оригинала. Таким образом, словарь несколько шире по своему содержанию, чем это указано в заглавии, но, разумеется, с полнотой в нем представлена именно наука о японском языке².

Внешняя сторона издания превосходна. Ясность шрифта, четкость карт (среди них есть цветные), рисунков, снимков, качество бумаги, износостойкость и прочность переплета — все это стоит на том высоком уровне, который обычен для японской полиграфии. Несмотря на размер и богатство содержания, «Словарь отечественного языкознания» представляет собой книгу среднего формата, очень удобную в использовании.

При всех неоспоримых достоинствах издания нами были замечены некоторые мелкие погрешности. Например, на стр. 136 в верхнем столбце содержится досадная опечатка: вместо *дзи-но бун* («авторский текст»), там, где этот термин должен впервые быть введен, жирным шрифтом напечатано *та-но бун* («другой текст»). В статье «словари» на стр. 489 в верхнем столбце название одного словаря прочтено *Тэнрой бансё мэйи* (т. е. по го-ону), что, повидимому, правильно, но в отдельной статье специально об этом словаре оно же прочтено *Тэнрой бансё мэйги* (по кан-ону). На страницах 15, 393, 664 и 667 приводятся ссылки на особую статью о «Тэниха-тайгайсё», но такой статьи в словаре нет, о чем нельзя не пожалеть: эта первая японская работа, касающаяся грамматических явлений, несмотря на свой небольшой размер, представляет известный исторический интерес (о чем говорит и число ссылок на нее).

В предисловии к словарю главный редактор пишет, что «редакционная коллегия... надеется, что словарь принесет пользу специалистам и вместе с тем широко откроет двери в эту науку читателю-неспециалисту. Если эта книга будет использована как пособие по введению в японское языкознание и если она сможет стимулировать дальнейшее развитие данной науки, то можно будет сказать, что половина задач, возложенных на наше общество, выполнена». Нет сомнения, что эти надежды осуществляются. Во всяком случае, ни один советский специалист по японскому языку не сможет в дальнейшем работать полноценно без использования этого нецензурного справочника и надежного путеводителя по науке о японском языке в Японии.

¹ Подробнее см. К. А. Попов, «Обзор японских лингвистических журналов», «Советское востоковедение», 1955, № 2.

² Как мы узнали из этого же словаря, в 1940 г. в Японии был издан «Словарь английского языкознания» — «*Эйгогакү дзитэн*», тоже по содержанию более широкий, чем говорит его заглавие: он охарактеризован как общелингвистический словарь на материале западноевропейского языкознания. Редактор его — Итикава Мики, авторов всего 8, хотя по размеру он не намного уступает данному словарю. Наличие такого ранее изданного словаря и сделало целесообразным посвятить рассматриваемый словарь в основном науке о японском языке.

В конце нельзя не отметить, что рецензируемый словарь сам по себе качеством своего выполнения свидетельствует о высоком уровне японского языкознания и о наличии в нем многочисленных квалифицированных кадров.

И. И. Фельдман

Gerhard Rohlf's. Historische Grammatik der Italienischen Sprache und ihrer Mundarten.— Bern, A. Francke A. G. Verlag, 1949—1954. Bd. I — Lautlehre; Bd. II — Formenlehre und Syntax, Bd. III — Syntax und Wortbildung mit dem Register zu den Bänden I, II, III.

Вплоть до последнего времени общепринятым руководством по истории итальянского языка была изданная в 1890 г. «Итальянская грамматика» В. Мейер-Любке, появление которой составило эпоху в развитии итальянского языкознания¹. Вышедшие значительно позднее книги Ш. Гренджента и М. Пей² не содержат по сравнению с ней ничего принципиально нового. Между тем за 60 лет, прошедших со времени выхода в свет грамматики Мейер-Любке, итальянское языкознание шагнуло далеко вперед. Исследования таких ученых, как Дж. Бертони, А. Скьяффини, К. Мерло, Э. Моначи, Дж. Боттильони, М. Л. Вагнер, Г. Лаусберг, Фр. Шюрр и многих других, внесли существенный вклад в дело изучения итальянских диалектов и литературного итальянского языка. Однако наиболее знаменательным событием этого периода, раскрывшим перед исследователями совершенно новые возможности, было создание К. Ябергом и Я. Юдом в сотрудничестве с Г. Рольфом, М. Л. Вагнером и П. Шейермейером этнографо-лингвистического атласа Италии и Южной Швейцарии³, в котором впервые были установлены точные географические границы языковых явлений в связи с материальной культурой общества и была дана полная картина сложных взаимоотношений между диалектами.

В свете новых данных классическая грамматика Мейер-Любке во многом оказалась устаревшей: такие разделы, как синтаксис и словообразование, в ней вообще отсутствовали; некоторые гипотезы, выдвинутые Мейер-Любке для объяснения различных языковых явлений, оказались сомнительными или были опровергнуты; данные о диалектах, приводимые в основном из письменных источников, оказались недостаточными. В результате возникла настоятельная необходимость в создании нового руководства по исторической грамматике, соответствующего уровню развития современной науки. Выполнение этой задачи взял на себя крупнейший немецкий романист Герхард Рольфе, автор многочисленных трудов по различным вопросам романского языкознания, ведущее место среди которых занимают его исследования, посвященные итальянскому языку и его диалектам⁴. Самой значительной работой Рольфе в этой области является рецензируемая ниже «Историческая грамматика итальянского языка и его диалектов» — капитальный труд, представляющий собой в настоящее время наиболее полное руководство по всем разделам итальянского языкознания.

Методологические позиции Рольфе сближают его со школой швейцарских лингвистов, основателями которой были К. Яберг и Я. Юд, объединившие достижения лингвистической географии (Жильерон) с этнографической направленностью исследований Шухарда и Мейер-Любке⁵. Для определения методологических позиций Рольфе большой интерес представляет его работа «Язык и культура», где он выступает против идеалистического направления в лингвистике⁶, возглавляемого К. Фосслером, который, как известно, отыскивал «дух нации» и «дух эпохи» в морфологических

¹ W. Meyer-Lübke, *Italienische Grammatik*, Leipzig, 1890.

² Ch. Grandgent, *From Latin to Italian*, Cambridge, 1927; M. Pei, *The Italian Language*, New York, 1941.

³ K. Jäger, J. Jud, *Sprach- und Sachatlas Italiens und der Südschweiz*, [Halle], Bd. I—VIII, 1928—1940.

⁴ Г. Рольфе принадлежит свыше 220 исследований, полный перечень которых приведен в приложении к его книге «*An den Quellen der romanischen Sprachen*» (Halle, 1952).

⁵ См. работы В. Мейер-Любке и К. Яберга в «*Wörter und Sachen*» (№№ IX—IX и др.) — центральном органе этого направления, а также книги К. Яберга «*Aspects géographiques du langage*» (Paris, 1936) и «*Sprachatlas als Forschungsinstrument*» (Halle, 1928).

⁶ См. G. Rohlf's, *Sprache und Kultur*, Berlin, 1928.